

УДК 81-23

ББК 81.432.4

К658

Л. Б. Копчук

Санкт-Петербург, Россия

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СОЮЗЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ
АРЕАЛЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ**

В статье исследуется специфика языковых ситуаций в странах немецкой речи в связи с усилением процесса регионализации, а также влияние этого процесса на дискурсивное взаимодействие национальных вариантов немецкого языка, в результате чего происходит количественное и качественное пополнение инвентаря лексических единиц межнациональными лексическими регионализмами.

Ключевые слова: языковая вариативность; регионализация; языковой союз; дискурсивные практики; региональный стандарт; субстандарт; регионализм.

Ljubov Korchuk

**REGIONAL LANGUAGE UNIONS ASSOCIATIONS IN GERMAN-
SPEAKING AREAL AS A RESULT OF THE DISCURSIVE INTERACTION
OF NATIONAL VARIETIES**

The article studies the specifics of the language situations in the countries of German speech in connection with the intensification of the process of regionalization, and the impact of this process on the discursive interaction of national variants of German, resulting in a qualitative and quantitative completion of the vocabulary with interethnic regionalisms.

Key words: linguistic variety; regionalization; Language Union; discursive practices; regional standards; substandard; regionalism

В связи с манифестацией в современном языкознании когнитивно-дискурсивной парадигмы закономерно встаёт вопрос о возможности применения теории дискурса к проблематике национальной вариативности современного немецкого языка. Разрабатываемые подходы к изучению дискурсивной деятельности человека как представителя определённой лингво- и социокультурной общности, представление о дискурсе как о многомерном пространстве, образующем вместе с языковым и коммуникативным пространствами единое целое [Плотникова, Домышева, 2009, с. 103], а также исследование конкретных дискурсивных практик позволяют обосновать распределение и изучение дискурса по параметру национальной принадлежности и национального своеобразия. По определению О. Г. Ревзиной, код-язык, который обеспечивает языковую концептуализацию, воплощающую национальный менталитет и картину мира, относится к коммуникационному обеспечению дискурса. Следовательно, есть основания для разделения дискурса и вычленения разновидностей дискурса по национальному признаку с учетом социальных и культурно-исторических условий общности, потребностей и устремлений производителей и пользователей дискурса в условиях единого языкового национального сообщества [Ревзина, 2005, с. 68]. Представители разных национальных социумов – языковые личности, владеющие разными регистрами и набором дискурсивных практик в соответствии со спецификой языкового состояния и языковой ситуации в конкретном государстве.

Функционирование немецкого языка, как полинационального, и его использование в качестве языка разных национальных государств (национальная вариативность) обуславливает потребность в выявлении особенностей дискурсивных практик, которыми владеют члены соответствующей языковой общности. Национальный вариант языка является многослойным и многомерным иерархически организованным языковым образованием, в котором различные

языковые и дискурсивные формации находятся в постоянном взаимодействии. Носители национальных лингвокультур, используя соответствующий вариант (разновидность) национального языка, входят в разные дискурсивные сообщества. Лингвистическая коммуникативная компетенция, обуславливающая речевое поведение личности, определяется в значительной мере его самоидентификацией в качестве представителя определённого этноса и определённой этнографической и этнокультурной группы в рамках этого этноса, т. е. в качестве члена национальной общности. В пределах каждой национальной общности осознается и поддерживается суверенная и самостоятельная национальная норма (национальная разновидность общей нормы), которая отражает сущность специфики варианта языка. Национальный вариант языка формирует собственную социофункциональную парадигму, т. е. совокупность языковых формаций языка, в рамках которой реализуются речевые потребности данного национального социума во всех жизненных ситуациях с использованием соответствующих дискурсивных практик.

Для немецкого языка, с его чрезвычайно сильной диалектной и региональной дифференциацией, одним из наиболее важных и сложных является вопрос о соотношении литературного стандарта, территориальных диалектов и промежуточных языковых формаций. Решение этого вопроса требует рассмотрения соотношения не только языковых формаций, релевантных для каждого национального варианта немецкого языка, но и дискурсивных формаций, т. е. разновидностей дискурса, обусловленных потребностями повседневного общения в данном социуме. Изучение такого дискурсивного соотношения и взаимодействия необходимо для адекватной функциональной характеристики национально-специфических реализаций немецкого языка, поскольку «стандартные», т. е. литературные, и «нестандартные», т. е. нелитературные – обиходно-разговорные и диалектные, языковые формации – взаимодополняют и взаимобуславливают друг друга в социофункциональном и в лингвопрагматическом отношениях.

Лингвопрагматические расхождения, к которым привели разделившие немецкоязычный ареал национальные границы, обусловлены спецификой языковых состояний и ситуаций в странах немецкой речи, т. е. распределение и выбор таких регистров определяется соответствующей языковой ситуацией в пределах национального государства. При этом сфера употребления нестандартных формаций, в отличие от стандартных, не всегда согласуется с национальными границами, а в некоторых случаях выходит за их пределы.

Общей тенденцией развития сегодняшнего языкового состояния в немецкоязычных ареалах является всё возрастающая регионализация, связанная в то же время с процессами постепенного отступления диалектов со своих исходных позиций. Диалектное сходство по ту и другую стороны национальной границы облегчает языковую коммуникацию в регионе и способствует, таким образом, стабилизации региональной общности и дальнейшему развитию контактов, что поддерживается также традиционными культурными и экономическими связями. Именно «региональные союзы» являются в настоящее время основным полем взаимодействия разных национальных дискурсивных сообществ.

Уже У. Аммон обратил внимание на то, что в связи с широкомасштабными интеграционными процессами в современном мире центр тяжести в значительной мере переносится на регионы, поскольку всё большее распространение получают процессы регионализации, т. е. более естественное членение на культурно и экономически целостные образования, во многих случаях сходные, близкие, родственные и в языковом отношении. На основании развития таких процессов лингвист вводит понятие «региональной идентичности» («regionale Identität»), т. е. разновидности групповой идентичности, в основе которой лежат процессы отнесения себя к собственной группе в сочетании с процессами отграничения от чужих групп. Региональные языковые формы оказываются при этом прекрасным средством формирования и обоснования такой региональной идентичности [Ammon, 1995, с. 91].

В рамках концепции плюрицентризма У. Аммон выделяет (наряду с национальными) региональные центры излучения языкового разнообразия и рассмат-

ривает региональную вариативность как явление второго, более низкого, уровня по сравнению с национальной вариативностью, которая образует первый уровень плюрицентричности, но при этом отмечает, что региональные варианты могут иметь более широкое распространение, чем национальные, ограниченные рамками государственных границ. Соответствующие центры региональных особенностей могут трактоваться как «субнациональные центры» («subnationale Zentren») или «субнациональные вариативности» («subnationale Varietäten»), которые, в отличие от диалектов, могут иметь статус региональных стандартов и находят свою политическую и юридическую основу в культурной автономии федеральных земель Германии и Австрии и кантонов Швейцарии [Ammon, 1995, с. 92].

Такой подход перекликается с мнением Г. В. Степанова, который из трёх базовых понятий – пространство, региональное сознание, организация общности, формирующих абстракцию «региональная общность», в качестве наиболее существенного выделяет понятие регионального сознания, рассматривающего пространство как «ареал, в котором члены общности тесно связаны...», как «непосредственную отнесенность культурных существований к некоему отличному от других общностей типу» [Степанов, 1976, с. 197].

В последнее время приграничные регионы переживают определённое возрождение, имеющее перспективу в русле развития европейской интеграции. В рамках Европейского сообщества возникают также региональные объединения, так называемые еврорегионы, и в некоторых из них прослеживается определённая связь с изначальными диалектными регионами. Другим следствием существования регионального взаимодействия, наряду с объединением без учёта государственных границ, является внутреннее расслоение нации или языкового сообщества в пределах нации на отдельные регионы.

Основой региональных языковых разновидностей, которые реализуются в устном повседневном дискурсе, служат местные диалекты, которые в процессе исторического развития языка обособились от диалектов, послуживших базой для образования наддиалектных норм литературного языка, но вместе с тем со-

общили региональному субстандарту, т. е. промежуточному между общенациональной нормой литературного языка и местным диалектом звену, некоторые из присущих им диалектных черт.

Бесспорным, однако, является тот факт, что процессы регионализации наиболее интенсивны и характерны для устного дискурса на юге, где приобщение к общеупотребительному литературному стандарту изначально исторически было, в первую очередь, связано с письменным дискурсом.

Региональные языковые сообщества могут объединять различные по охвату территории, например, южнонемецкий языковой союз включает южнонемецкий регион Германии, всю Австрию, всю немецкоязычную часть Швейцарии, Лихтенштейн; юго-восточное или, точнее, австрийско-баварское языковое сообщество распространяется на всю Баварию и восточный регион Австрии; юго-западное – алеманнское – сообщество объединяет в языковом отношении алеманнские регионы Германии, германо-швейцарские кантоны, Лихтенштейн, австрийский Форарльберг; к тирольскому региону относится западная часть Австрии и Южный Тироль в Италии. При этом регион баварско-австрийского языкового союза объединяется на современном этапе языкового развития, главным образом, общими региональными обиходно-разговорными формациями, которые имеют черты сходства при реализации в устном повседневном дискурсе жителей Мюнхена, Вены, Инсбрука и Граца.

В юго-западном регионе, несмотря на некоторую географическую обособленность Швейцарии, германошвейцарские диалекты не изолированы от других верхне-(южно)немецких диалектов, а объединены узколокально-региональными связями с соседними регионами за пределами швейцарских государственных границ и имеют общие черты с алеманнскими диалектами в Лихтенштейне, Форарльберге, с швабскими и даже с верхнерейнскими диалектами Германии. Такая ситуация также позволяет говорить о возможности взаимодействия национальных вариантов и разновидностей в юго-западном регионе при использовании диалектных языковых формаций в устном повседневном дискурсе.

Однако на уровне литературного стандарта региональные языковые союзы не всегда характеризуются единством. Так, в юго-западном регионе большая часть имеющих алеманнскую основу особенностей словарного состава ограничена в своей нормативности и кодифицированности территорией немецкоязычной Швейцарии, частично захватывая Лихтенштейн и австрийский Форарльберг, в то время как на юго-западе Германии эти особенности относятся к нестандартным формам.

Нередко те формы, которые составляют уровень национального литературного стандарта в Австрии и/или в Швейцарии, функционируют в Южной Германии как фактический стандарт (“Gebrauchsstandard”) или так называемый региональный литературный стандарт [Ammon, 1995, с. 16]. Примером может служить употребительное во всём верхненемецком регионе (в меньшей степени в Швейцарии) приветствие *Grüß Gott*, которому в ниже- и средненемецком регионе соответствует *Guten Tag*.

Результатом взаимодействия национальных дискурсов в пределах соответствующих региональных союзов можно считать явление межнациональных лексических регионализмов. Существование языковых единиц, которые У. Аммон определяет как «неспецифические национальные варианты», является результатом разнообразных интеграционных процессов. Среди источников их появления нужно выделить, в первую очередь, импортирование (заимствование) вариантных единиц в процессе дискурсивного взаимодействия из одного национального варианта немецкого языка в другой. Основными сферами такого взаимодействия являются медийный, туристический, а также товарно-рыночный дискурсы. Именно в сфере интенсивно углубляющихся и развивающихся рыночных отношений наблюдается массивное проникновение соответствующих лексических центризмов – наименований товаров – вместе с самими товарами, в первую очередь, вследствие стремления экспортёров приспособить свои товары в языковом отношении к рынку сбыта в других странах.

Значительная часть лексических вариантов-заимствований попадает в «соседние» национальные дискурсы «скрытно» через наименования-композиции, в

составе которых такие компоненты не слишком обращают на себя внимание и воспринимаются быстрее и легче. Впоследствии такие заимствования «освобождаются» от своего окружения и становятся самостоятельными единицами, как, например, слово *Tomate*, пришедшее в Австрию из собственно немецких композит *Tomatensaft* или *Tomatenmark*, заменивших австрийские *Paradeisersaft*, *-mark*. Соотношение такого рода импортированных наименований между тремя национальными дискурсами немецкого языка отнюдь не пропорционально, а характеризуется значительной асимметрией в пользу собственно немецкого. По наблюдениям исследователей, прежде всего, австрийское дискурсивное сообщество, а также, предположительно, и германошвейцарское, заимствуют в языковом отношении значительно больше, чем экспортируют сами [Ammon, 1995, с. 495].

Основными причинами такой асимметрии являются: во-первых, постоянный поток туристов из Германии в Австрию и Швейцарию, намного больший, чем в противоположном направлении, что вынуждает австрийцев и швейцарцев приспособляться к особенностям реализации устного дискурса потенциальных покупателей; во-вторых, массовый импорт продукции средств электронной и печатной информации из Германии в Австрию, а также в Швейцарию, благодаря которому австрийцы и швейцарцы вынуждены овладевать дискурсивными практиками, характерными для представителей собственно немецкого языкового сообщества, более активно, чем наоборот.

Влиянию собственно немецкого литературного стандарта на национальные дискурсы Австрии и Швейцарии способствуют также многочисленные лексикографические пособия-кодификаторы собственно немецких литературных норм, распространенные в других странах немецкого языка ввиду недостаточного количества собственных.

Сравнительно редко среди употребительных в разных национальных дискурсах соотносимых наименований встречаются так называемые (по классификации У. Аммона) взаимозаменяемые (вариабельные) в пределах одного национального дискурса лексические единицы (межвариантные лексические дубли-

ты). Как правило, вероятность таких взаимозамен весьма мала и встречается редко, как в случае уже упомянутых исконно австрийского обозначения *Paradeiser* и проникшего из Германии *Tomate*. Большая часть, по определению А. И. Домашнева, «национально маркированных инвентарных экспонентов» относится к разряду так называемых субститутов [Домашнев, 1971, с. 137].

Развитие в противоположенных направлениях ограничено заимствованием преимущественно австрийских и швейцарских обозначений блюд, которые попадают («проникают») в Германию, а также соответственно в Швейцарию или в Австрию вместе с самими изделиями. В то же время, как замечает Я. Эбнер, немцы, в основном туристы, «перенимают» из австрийского немецкого больше слов, чем предполагают сами австрийцы, что находит отражение, в частности, в словаре «*Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*» [Duden], и приводит в качестве примера слово *Maut, die* ('*Gebühr für die Benutzung von Straßen, Brücken o.a.*'), с которым знакомятся приезжие и которое, ввиду отсутствия соответствующего собственно немецкого обозначения, всё чаще употребляется в Германии. Некоторые заимствования проникли из юго-восточного региона в собственно немецкий дискурс после продолжительного употребления в австрийском дискурсе, например, *Slivowitz* и *Pörkölt* («венгерское рагу») [Ebner, 1980, с. 211].

Во многих случаях существование соотносимых национальных центризмов (лексических дублетов) или вариантных форм создаёт отношение конкуренции – противопоставления собственного лексического варианта другому, являющемуся показателем принадлежности к чужому национальному дискурсу, что особенно характерно для австрийского сообщества, которое находится зачастую в оппозиции к языковому сообществу Германии.

Показательно отношение австрийцев к влиянию собственно немецкого национального дискурса в сфере лексики, которое, по наблюдению Я. Эбнера, проявляется в пяти разных формах:

1. Возможно параллельное использование собственно немецкой и австрийской форм с оценкой первой как более современной и «благородной» (престижной) (ср.: Schrank и Kasten; Tomat и Paradeiser; Stuhl и Sessel).

2. Противоположное отношение отмечается при эмоциональном неприятии собственно немецких форм (прежде всего, фонетических) и некоторых слов, которые осмеиваются как «пруссачества», что препятствует их проникновению. Например, чувство языка австрийцев не приемлет собственно немецкие формы *es schmeckt schön* или *Butter aufs Brot schmieren* вместо австрийских *es schmeckt gut* или *Butter aufs Brot streichen*. Такое традиционное «отторжение» находит отражение в австрийских словарях, в которых отмечаются собственно немецкие слова, нежелательные и не рекомендованные австрийцам для употребления в дискурсивной практике.

3. Часть собственно немецких слов употребительна и в австрийском дискурсе, но преимущественно в сниженном вторичном лексико-семантическом варианте, при этом зачастую вообще неизвестно, что то же слово имеет в Германии другое литературное значение (ср.: *Brühe* – в Австрии: 'abgestandene, stinkende Flüssigkeit', в Германии: 'klare Suppe'; *Quark*, место которого в Австрии и в Баварии занято словом *Torfen*, имеет в Австрии только значение 'weiche, unappetitliche Masse').

4. Некоторые слова употребляются в собственно немецком и австрийском дискурсах семантически диаметрально противоположно, например, *Stiege* используется в Австрии в собственно немецком значении существительного Тгерре, в то время как Тгерре обозначает в австрийском варианте «маленькую, узкую, чаще всего деревянную лестницу». Глагол *sehen* и существительное *Wasche* считаются в Австрии словами высокого стиля, к которому в собственно немецком дискурсе отнесены, напротив, *schauen* и *Wange* [Ebner, 1980, с. 213].

5. Писатели часто используют национальные и региональные лексические варианты как стилистическое средство с целью избежать повторов. Например, у австрийского писателя Х. Додерера можно встретить *Sonnabend*, хотя это слово

абсолютно неупотребительно в австрийском дискурсе, и сам писатель никогда не употребил бы его в устном дискурсе [Ebner, 1980, с. 212–213].

Вторым источником неспецифических национальных вариантных единиц являются так называемые регионализмы, т. е. единицы, которые благодаря употреблению в пределах региональных союзов приводят к существованию межнациональных вариантов: австро-гельвецизмов, австро-тевтонизмов и гельвето-тевтонизмов, не воспринимаемых как чужеродные заимствования. Такие регионализмы образуют довольно многочисленные лексические группы, которые используются, в частности, в бытовом и профессиональном дискурсах, а также характерны для терминологии, наименования природных явлений и пр. Так, например, австро-гельвецизму Spengler в других немецкоязычных регионах соответствуют обозначения Klempner, Flaschner, Blechner или появившееся недавно Installateur. По мнению П. ф. Поленца, статус регионализмов, т. е. региональных вариантов, имеют некоторые лексические единицы из сфер частной повседневной жизни, которые совершенно случайно вследствие прежнего, более древнего, лингвогеографического членения в своем употреблении ограничены одной из немецкоязычных стран, например: австр. Rauchfang (Schornstein), Schlagobers (Schlagsahne); швейц. abdanken (Grabrede halten); Kleid (Männerkleidung) [Polenz, 1990, с. 11].

При этом различаются регионы употребления, т. е. активного использования (например, юго-восточный или северонемецкий) и регионы распространения – пассивного владения – вариантных единиц (соответственно, южнонемецкий или общенемецкий). Такой регионально ограниченный словарный состав подразделяется на две основные группы:

- 1) слова, обнаруживающие комплементарное региональное распределение, т. е. не имеющие литературного соответствия в общенемецком словарном фонде;

- 2) региональные варианты литературных лексических единиц [Kühn, Püschel, 1983, с. 1393–1394].

Во втором случае можно говорить о принадлежности лексических единиц к так называемому региональному стандарту [Ammon, 1995, с. 84], который охватывает отчасти те фрагменты полей обозначений, для которых еще отсутствуют общенациональные языковые варианты, т. е. те сферы, где еще не окончательно завершен процесс надрегионального объединения.

В разных национальных разновидностях может также наблюдаться несоответствие узусов (литературного, обиходно-разговорного и диалектного), т. е. различия в статусе отдельных языковых единиц, когда одно и то же слово, в одном национальном дискурсе относящееся к регионализмам или даже к диалектному регистру, в другом национальном дискурсе может употребляться как литературная норма, примером чего является австрицизм *Jänner*, встречающийся в собственно немецком дискурсе как региональный, но нелитературный синоним к слову *Januar*.

Таким образом, в результате разнообразных процессов межнационального дискурсивного взаимодействия каждый из национальных вариантов немецкого языка обладает определённым инвентарём лексических единиц, фрагменты которого могут быть общими. Расхождения между словарными составами трёх национальных вариантов немецкого языка носят как инвентарный, так и дистрибуционный характер и могут затрагивать количественные параметры – за счет существования параллельных дублетных обозначений, качественные характеристики, что выражается в специфической лексико-семантической и стилистической интерпретации лексических единиц, а также структурные свойства при особом использовании словообразовательных средств. Существование общих элементов в лексических подсистемах трех национальных вариантов немецкого языка обусловлено интенсивностью и спецификой контактов национальных языковых сообществ с другими сообществами в процессе дискурсивного взаимодействия, а также значительной степенью регионального языкового единства.

Библиографический список

1. Домашнев А. И. Актуальные проблемы изучения национально негетерогенных (поливариантных) литературных языков / А. И. Домашнев // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тез. докл. науч. конф., 16–18 нояб. 1971 года. М., 1971. – Ч. 1. С. 134–139.
2. Плотникова С. Н., Домышева С. А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования / С. Н. Плотникова, С. А. Домышева // Политическая лингвистика, 2009. Вып. 1(27). С. 103–108.
3. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации / О. Г. Ревзина // Критика и семиотика. Новосибирск, 2005. Вып. 8. С. 66–78.
4. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г. В. Степанов. М.: Наука, 1976. 224 с.
5. Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten / U. Ammon. Berlin/ New York: de Gruyter, 1995. 575 S.
6. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache / unter Leitung von G. Drosdowski. 6 Bände. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1976 ff. 2992 S.
7. Ebner J. Deutsch in Österreich // Duden «Wie sagt man in Österreich»: Wörterbuch der österreichischen Besonderheiten / J. Ebner. 2. vollst. überarb. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 1980. S. 207-222.
8. Kühn P., Püschel U. Die Rolle des mundartlichen Wortschatzes in den standardsprachlichen Wörterbüchern des 17. bis 20. Jahrhunderts / P. Kühn, U. Püschel // Dialektologie: Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung / W. Besch u.a. (eds.). Berlin; New York: de Gruyter, 1983. - HBd. 2. S. 1367-1398.
9. Polenz P. v. Nationale Varietäten der deutschen Sprache / P. v. Polenz // International Journal of the Sociology of Language. 1990. 83. S. 5-38.